

И. Добротворский

Борьба и разделение церквей в
половине XI века

Опубликовано:
Христианское чтение. 1868. № 11. С. 698-732.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

БОРЬБА И РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XI ВѢКА

Чтобы удобнѣе понять открыто заявленныя причины отчужденія одной церкви отъ другой въ XI вѣкѣ, необходимо припомнить тѣ пункты разногласія, которыя прежде выставлялись на видѣ. Особенно важныя заявленія противъ латинянъ, которыми руководствовались греки и въ послѣдствіи, сдѣланы были трулъскимъ соборомъ въ концѣ VII вѣка и потомъ въ посланіяхъ Фотія во второй половинѣ IX вѣка. Такъ какъ пятый и шестой вселенскіе соборы не оставили правилъ касательно церковнаго благочинія и христіанской жизни: то трулъскій соборъ 692 г. издалъ 102 правила, имѣвшія цѣлю дополнить опредѣленія двухъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ съ дисциплинарной стороны. Правила эти, подписанныя и папскими легатами, приняты были греческою церковію подъ именемъ каноновъ пятошестого вселенскаго собора. Но папа отказался признать ихъ, и потомъ западная церковь постоянно отвергала опредѣленія трулъскаго собора, какъ вселен-

скаго. Причина очевидна: нѣкоторые обряды и обычаи, вошедшіе въ западную церковь, осуждены на этомъ соборѣ, и источниками церковнаго права и жизни назначены исключительно опредѣленія греческихъ соборовъ и отцовъ. Такъ: 1) Канонъ 2 подтверждаетъ 85 апостольскихъ правилъ, тогда какъ римская церковь принимала только первые 50; далѣе—опредѣленія помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, собиравшихся въ греческихъ областяхъ, и опредѣленія собора карфагенскаго, который не благопріятствовалъ власти папъ, подтверждаетъ правила многихъ греческихъ отцовъ, тогда какъ декреты римскихъ папъ вовсе опущены. 2) Канонъ 13 строго осуждаетъ практику римской церкви, по которой принявшимъ на себя священный санъ не дозволялось болѣе сожитіе съ супругами. 3) Канонъ 36 повторяетъ и подтверждаетъ опредѣленія 2 и 4 вселенскихъ соборовъ о правахъ константинопольскаго патріарха, на которыя римскіе папы всегда смотрѣли враждебно. 4) Канонъ 55 запрещаетъ обычай римской церкви соблюдать постъ по субботамъ четыредесятницы. 5) Канонъ 67 запрещаетъ употребленіе крови и удавленныя, вошедшее въ обычай у западныхъ народовъ. И 6) наконецъ Канонъ 82 запрещаетъ изображать Христа подъ образомъ агнца, какъ это дѣлалось въ римской церкви. Мы встрѣтимся потомъ съ этими опредѣленіями трузьскаго собора въ дальнѣйшей борьбѣ между церквами. II. Фотій въ своихъ посланіяхъ къ папѣ и къ греческимъ патріархамъ указывалъ также различія въ обрядахъ и, одни признавая несущественными, другія осуждалъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: обычай римской церкви поститься въ субботу, запрещеніе супружескаго сожитія принявшимъ на себя

священный санъ, запрещеніе священникамъ муропомазывать и искаженіе сѣмвола вѣры прибавленіемъ *Fi-lioque*. Эти указанія Фотія служили также источникомъ послѣдующей борьбы греческой церкви съ римскою. По вторичномъ изложеніи Фотія отношенія между греческой и римскою церквами становились болѣе и болѣе холодными; не было недостатка во враждебныхъ столкновеніяхъ, такъ что возобновлялись по временамъ и упреки касательно разности обрядовъ, бывали по временамъ и исключенія римскихъ папъ изъ диптиховъ константинопольской церкви. Но роковой борьбѣ внутренне раздѣленныхъ уже церквей суждено было возгорѣться въ половинѣ XI вѣка, которая и привела къ такому окончательному разрыву, что все дальнѣйшія попытки къ соединенію остались безуспѣшными.

Въ половинѣ XI вѣка Норманны сильно опустошали области греческаго императора и римскаго первосвященника въ Италіи. Хотя папа дѣйствовалъ не всегда честно по отношенію къ византійской имперіи; но, потерпѣвши неудачу въ войнѣ съ Норманнами, онъ готовъ былъ соединиться съ греческимъ императоромъ противъ общаго врага. Въ то же время встрѣтился и религіозный поводъ къ началію переговоровъ съ Константинополемъ, — именно нападеніе въ Константинополь на блюстителей римскаго обряда со стороны патріарха, и посланіе Льва Ахридскаго, осуждавшее нѣкоторые римскіе обычаи. При такихъ обстоятельствахъ папа Левъ IX (1048—54) и Константинъ Мономахъ (1042—54) съ одной стороны, папскіе легаты и Михаилъ Керуларій (1043—1059) съ восточными епископами съ другой стороны вступили въ мирные перего-

воры, которые, при страстномъ раздраженіи съ обѣихъ сторонъ, повели къ раздѣленію церквей (1).

Въ 1043 году императоръ Константинъ Мономахъ назначилъ на константинопольскій патриаршій престолъ монаха Михаила Керулларія, человека благороднаго происхожденія и не по своей волѣ принявшаго на себя монашество. Какъ участникъ въ возмущеніи противъ императора Михаила IV, онъ противъ воли постриженъ былъ въ монахи; но, при счастливой для него перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, внезапно сдѣлался патриархомъ. Около 1050 года Михаилъ велѣлъ запретить въ Константинополѣ всѣ латинскія церкви и отнять у латинскихъ монаховъ монастыри до тѣхъ поръ, пока они не подчинятся греческому обряду. Что побудило патриарха къ такому немиролюбивому дѣйствию противъ читателей римскаго обряда, неизвѣстно. Трудно думать, чтобы одно желаніе ввести единство обрядовъ, особенно если принять во вниманіе, что греки въ Итали и въ самомъ Римѣ спокойно оставались при своихъ обрядахъ, какъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ папа Левъ IX. Можетъ быть причиной гоненія на латинскій обрядъ было усиленіе его въ Константинополѣ и на востокъ (2), съ одной стороны, такъ что началась уже перебранка

(1) Акты, относящіяся къ этому событію церковной исторіи, собраны и изданы въ 1861 году Виллемъ въ отдельной книгѣ подъ названіемъ: *Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant*. Въ началѣ книги помѣщены Prolegomena издателя, гдѣ коротко разсказывается съ католической точки зрѣнія исторія всѣхъ враждебныхъ столкновеній между греческой и римской церквами до половины XI вѣка. Собранные Виллемъ акты, относящіяся къ раздѣленію церквей въ XI вѣкѣ, всѣ встрѣчаются въ нашемъ изложеніи.

(2) См. посл. Михаила къ патриарху Петру антиохійскому. Вилл. стр. 179.

между послѣдователями того и другаго обряда, и невольное сближеніе жившихъ въ Италіи грековъ съ римскими обрядами съ другой стороны, какъ можно догадываться по одному мѣсту посланія Льва Ахридскаго (1). Это посланіе архіепископа болгарскаго, Льва Ахридскаго, къ епископу Іоанну Транійскому въ Апуліи, которое онъ просилъ разослать и другимъ италійскимъ епископамъ и которое въ переводѣ, сдѣланномъ кардиналомъ Гумбертомъ, доставлено было самому папѣ, вмѣстѣ съ немиролюбивыми дѣйствіями патріарха и было ближайшимъ поводомъ къ борьбѣ между церквями (2). Потому необходимо остановиться на немъ повнимательнѣе.

„Великая любовь къ Богу и дружелюбное участіе, говоритъ авторъ, побудили насъ писать къ твоей свя-

(1) *Τὰς τὰς παλαιὰς ἀρχαίας κατὰ τὸν ἰδίον λόγον καὶ διδάσκει ὅτι αὐτοὺς καὶ διορθωτικῶς μεταστροφῆς πρόβλεπον ἐν παλαιῶν ἱστορίαις* (Вилл. стр. 60).

(2) Составителями посланія, по Гумберту и Льву IX, были патріархъ и Левъ Ахридскій, и въ переводѣ Гумберта оно подписывается *Michael, universalis patriarcha nomine Romane, et Leo, archiepiscopus Aehridie, dilecto fratri Iohanni Transeni episcopo*. Далѣе участіе патріарха въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно и потому, что простой архіепископъ не рѣшился бы писать окружнаго посланія къ независившему отъ него епископу (Апулія была тогда въ іерархическомъ подчиненіи константинопольскому патріарху) и просить сообщить содержаніе его прочимъ епископамъ. Потому все историки приписываютъ посланіе союкуно Михаилу и Льву. Но недавно найденный профессоромъ Гергенрётеромъ и изданный Виллемъ подлинникъ не позволяетъ принять этого мнѣнія вполне. Посланіе въ подлинникѣ подписывается: *Αὐτοῦς ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας ἐπιστολὴ περιβλεπὴ πρὸς τὰς ἐπισκόπους Ἰταλίας πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον καὶ τὸν πατριάρχην*. Кроме того авторъ объявляетъ отъ своего лица послать и еще посланіе: *εἰ τὸυτο ποῖσας, προσθῆσω καὶ διὰ δευτέρου ὑαχῆς τὰ μεῖζον καὶ πλεόντερα τούτων*. И дѣйствительно Левъ Ахридскій, озаглавливая это посланіе словами: *Leo Bulgariae archiepiscopus, epistola prima de azymis*, приводитъ выдержку еще изъ третьяго посланія Льва Ахридскаго (*de reg. cons.* I. III, с. XIV). Такимъ образомъ нужно принять, что посланіе писалъ

тости, а чрезъ тебя и ко всѣмъ франкскимъ архіереямъ и къ самому достопочтенному папѣ, и напомнить объ опрѣснокахъ и субботахъ, которыя вы, незаконно соблюдая по моисеевымъ предписаніямъ, сообщаетесь съ іудеями... Наша пасха-Христось, совершившій сначала законную пасху, потомъ нашу новую (Мѡ. XXVI, 17, 18, 20, 21, 25—28)... Смотрите, какъ Онъ хлѣбъ назвалъ своимъ тѣломъ въ новомъ завѣтѣ, какъ нѣчто живое, одушевленное и являющее теплоту. Ибо хлѣбъ—*ἄστος* отъ *ἀνίσθη*—означаетъ поднятое вверхъ, отъ кислаго тѣста и соли имѣющее теплоту и поднятіе. А опрѣсноки (*ἄζυμα*) ничѣмъ не отличаются отъ бездушнаго камня и сухой глины. Моисей заповѣдалъ несчастнымъ іудеямъ ѣсть ихъ съ горькими травами однажды въ годъ, называя ихъ символами злосраданія и печали. Хотя въ ветхомъ завѣтѣ и хлѣбы предложенія называются *ἄστοι*, но такъ называются въ несобственномъ смыслѣ и безразлично (*καταχρηστικῶς καὶ ἀβιάστως*)... Опрѣснокъ, не имѣющій ни закваски, ни соли, есть сухая глина. Неужели не слышите Христа, говорящаго ученикамъ: вы есте соль земли (Мѡ. V, 13 ср. XIII. 33)... Когда законъ пересталъ дѣйствовать, по необходимости отмѣняются и опрѣсноки... Опрѣсноки не заключаютъ воспомнанія о Господѣ, не возвѣщаютъ и о смерти Его (1 Кор. 11, 23—26), какъ моисеево установленіе, сдѣланное за 1600 лѣтъ, и новымъ завѣтомъ и евангеліемъ устраненное и прекращенное. И субботу почему

— — —
одия Архіепископъ Левъ, но по совету и наставленію патріарха Михаила, которому неудобно было выступать съ своимъ именемъ, при миролюбивыхъ отношеніяхъ императора съ папою, и который вскорѣ потомъ, конечно, по желанію императора, долженъ былъ писать къ папѣ отъ своего лица миролюбивое посланіе.

въ святую четыредесятницу соблюдаете 'по іудейски (вопреки Мѣ. XII, 1—4. Лук. VI, 1—4. Марк. II, 27. Іоан. IX, 16. Лук. XII, 15)? Соблюдающіе субботы и опрѣсноки, хотя и выдають себя за христіанъ, не суть ни іудеи, ни чистые христіане... Зачѣмъ (у васъ) ѣдятъ удавленину, въ которой содержится кровь? Или не знаете, что душа всякаго животнаго кровь его есть, и что ядущій кровь ѣсть душу? (Лев. XVII, 14)... И по этому опять ни чистые язычники, которые большею частию убиваютъ и ѣдятъ, ни чистые іудеи, которые не ѣдятъ ни крови, ни удавленныя, но и ни чистые христіане, покудаки вводятъ въ свое служеніе нечистое смѣшеніе и погубляютъ образъ православной вѣры. Также и аллилуія не поете въ четыредесятницу, но только однажды въ пасху, что значить: „Господь принялъ“ и „хвалите, пойте и благословите Его“; и по этому не поете ни: „Богъ Господь, и явился намъ,“ ни „благословенъ грядый“; ибо это значить аллилуія..., опрѣсноки и соблюденіе субботы оставьте безбожнымъ іудеямъ, равно и удавленину невѣрнымъ и грубымъ язычникамъ, дабы составлять съ нами въ правой и непорочной вѣрѣ единое стадо единаго добраго и истиннаго пастыря Христа... Во спасеніе души своей пошли это настоятелямъ италійскихъ престоловъ и заклинай ихъ исправиться (1)“.

Большаго оскорбленія римской церкви трудно было и придумать. Римскіе епископы, въ древнія времена обыкновенно призываемые на защиту православной вѣры и на исторженіе ересей, мало по малу привыкли считать себя судіями и единственными рѣшителями въ

(1) Ваял. стр. 56—64.

дѣлахъ вѣры. Далекіе отъ волновавшихъ христіанскій міръ ересей, преемники св. Петра привыкли считать себя ключеносцами царствія небеснаго, а вѣру римской церкви — вѣрою всегда чистою и правою, которой должны слѣдовать всѣ церкви. И вдругъ архіепископъ болгарскій или хотя бы патріархъ константинопольскій осмѣливаются учить ихъ вѣрѣ и приглашать къ исправленію, предполагая, что они при указанныхъ недостаткахъ не могутъ составлять единаго стада единаго пастыря Христа; осмѣливаются блюстителей римскаго обряда приравнивать къ іудеямъ и язычникамъ и не признавать ихъ чистыми христіанами. И хотя посланіе написано очень миролюбиво, но, не снабженное надлежащими историческими доказательствами противъ порицаемыхъ обрядовъ, оно представилось западнымъ епископамъ не только слабымъ и противнымъ древней церковной практикѣ, но и дерзкимъ покушеніемъ на православіе и безразсуднымъ стремленіемъ къ объединенію въ такихъ вещахъ, которыя допускаютъ разнообразіе.

Епископъ транійскій Іоаннъ сообщилъ греческое посланіе между другими и кардиналу Гумберту, который доставилъ его въ латинскомъ переводѣ папѣ Льву IX, находившемуся тогда въ почетномъ изгнѣ у Норманновъ въ Беневентѣ. Папа немедленно отвѣчалъ на него своимъ обширнымъ (41 §) посланіемъ къ Михаилу патріарху и Льву архіепископу, въ которомъ, мало касаясь обрядовыхъ разностей, указанныхъ греками, старался доказать важность апостольскаго римскаго престола, неизмѣнное его православіе, и осыпалъ греческую церковь рѣзкими упреками (1). „Христосъ оставилъ и за-

(1) *Визл.* стр. 65—85.

вѣщалъ своимъ ученикамъ миръ, говоритъ папа. но когда всѣ почти божественныя страницы равно побуждаютъ насъ ко благу единства и мира, находятся несчастные люди, по всему негоднѣйшіе воиновъ, распявшихъ Господа славы. Эти пощадили тѣлѣнную одежду Его, а тѣ несокрушимую благодать Его, которою Онъ соединилъ церковь, чтобы представить ее Себѣ славною одеждою, неизмѣнною пятна или недостатка, съ жестокостію стараются разодрать своими нечестивыми и святотатственными руками, изощряютъ вѣлерьчивые и коварные язычники къ уничтоженію ея⁴. Церковь должна быть единая, но къ несчастію должны явиться и антихристы и еретики (1—IV). „Ты любезнѣйшій нашъ и доселѣ еще братъ во Христѣ епископъ константинопольскій и ты Левъ Ахридскій, съ новымъ превозношеніемъ и съ невѣроятною дерзостію, нападаете на апостольскую и латинскую церковь и, не выслушавши, не обличивши ее, публично осуждаете, особенно за то, что осмѣливается вспоминать Господне страданіе на опрѣснокахъ... Если не перестанете, то будете причислены къ тому хвосту змія, который увлекъ на землю третью часть звѣздъ небесныхъ. Вотъ уже спустя тысячу и почти 20 лѣтъ послѣ страданія нашего Спасителя начинаетъ учиться у васъ римская церковь, какъ слѣдуетъ вспоминать страданіе Его“... (V). „Вы не размышляете, какая дерзость—говорить, что Отецъ небесный скрылъ отъ главы (príncipe) апостоловъ Петра обрядъ видимаго жертвоприношенія, которому Самъ благоволилъ вполне открыть оное неизреченное таинство невидимаго божества Сына Своего, и которому не чрезъ ангела или пророка, но собственными устами самъ Господь ангеловъ и пророковъ далъ такое обѣщаніе: и

Я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семь камней Я создамъ Церковь Мою (Мѣ. 16 гл.)... И: Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты, обратившись изъ-когда, утверди братьевъ твоихъ (Лук. 22). Будетъ ли же кто-нибудь столько безуменъ, чтобы молитву того, для котораго хотѣть значить мочь, считать въ чемъ-нибудь напрасною? (VI—VII). „Не станемъ по пмяно исчислять 90 и болѣе ересей, возникшихъ въ восточныхъ предѣлахъ или у самихъ грековъ, чрезъ настоятелей константинопольской церкви, которыя римскій и апостольскій престолъ мужественно побѣдилъ, сокрушилъ и исторгъ“ (IV). „Іоаннъ первый присвоилъ себѣ суетное имя, когда предписалъ всѣмъ именовать и писать себя вселенскимъ патриархомъ. За такое превозношеніе онъ достойно подвергнутъ былъ отлученію блаженными первосвященниками Пелагіемъ и Григоріемъ. Но пятно этой заразы выветъ съ проклятіемъ такъ пришло къ вамъ, что вы и доселѣ не страшитесь называть и писать себя вселенскими патриархами. Конечно это имя святыми отцами на халкидонскомъ соборѣ изъ почтенія къ св. римскому и апостольскому престолу предложено было предшественнику нашему папѣ Льву (1), но ни имъ, ни однимъ изъ его преемниковъ не было принято“ (IX). „Вы осуждаете анаемой верховный и апостольскій престолъ и всѣхъ вѣрныхъ блюстителей его учрежденій; судите именно тотъ престолъ, который судить нельзя ни вамъ, ни кому либо изъ

(1) Это совершенная неправда: dass die Synode von Chalcedon in Irgend einer ihrer Verhandlungen dem Papste Leo den trüglichen Titel angeboten und er ihn abgelehnt habe, davon findet sich in ihren Acten und seinen Briefen auch nicht die geringste Spur (Hefele, Conciliengeschichte B. II, § 202).

смертныхъ, когда блаженнѣйшій и апостольскій епископъ Сильвестръ божественно опредѣлили и духовный его сынъ Константинъ, благочестивѣйшій Августъ, со вселенскимъ Никейскимъ соборомъ одобрилъ и подписалъ, что верховный престолъ ни отъ кого не судится“ (X). „Судя верховный престолъ, о которомъ ни одному человѣку нельзя произносить суда, вы получаете проклятiе отъ вселенскихъ отцевъ всѣхъ досточтимыхъ соборовъ, отъ котораго не избавитесь, если не будете разрѣшены намѣстниками того, кому Христосъ, Сынъ Бога живаго, исключительно (*specialiter*) сказалъ: елика аще свяжеша на земли, будутъ связаны на небесахъ (Мѣ. XIV) (XI). Апостолъ Петръ получилъ отъ Господа ключи царства небснаго и, въ специальной власти вязать и рѣшить, преимущества высшаго священства; а императоръ Константинъ „всѣхъ до конца вѣковъ преемниковъ сего апостола на римскомъ престолѣ, чрезъ блаж. Сильвестра, украсилъ не только императорскою властiю и достоинствомъ, но и одеждою и служителями императорскими, почитая весьма недостойнымъ подчинять земной власти, кого бож. власть поставила во главѣ небснаго царства (XII).“ Слѣдуютъ выдержки изъ подложной грамоты Константина, которою усилится папѣ права свѣтской власти (1) и главенство надъ церквами (XIII—XIX). „Но

(1) Подложность этой грамоты, которой не чувствовали ни Левъ, ни Михаилъ Керуларій, въ настоящее время всѣми признана, и католики теперь стыдятся ея. Позтому, когда Дёллингеръ въ „*Paratfabeln des Mittelalters*“ выразилъ вънѣ, что эта грамота обязана своимъ происхожденiемъ гикскому кнзю; то одинъ ультрамонтанъ въ *Civita cattolica* (1866) написалъ самое ѣдкое возраженiе, въ которомъ, обвиняя ученаго профессора въ неуваженiи къ папѣ и чуть не въ ереси, ставится догадка: ать вът—итальянское происхожденiе ея подобно лженгидоровымъ декреталиямъ.

мы имѣемъ свидѣтельство болѣе Константинова⁴, говоритъ папа и старается доказать главенство Петра надъ прочими апостолами, кромѣ прежде приведенныхъ словъ Писанія и другими (Марк. 16, 7. 1 Кор. 15, 4, 5. Дѣян. 2 гл. 15 гл.) (XV—XIX). „Посему отстаньте отъ такого безумія и латинягъ, истинныхъ католиковъ и любезнѣйшихъ учениковъ верховнаго Петра и преданнѣйшихъ послѣдователей его установленія, перестаньте насмѣшливо (*subsannando*) называть опрѣсочниками (*azimitas*), или отнимать у нихъ церкви, или предавать ихъ мученіямъ, какъ начали, если хотите нынѣ и всегда имѣть миръ и часть съ Петромъ⁴. Его ученіе и преданіе апостоль Павелъ хвалилъ въ посланіи къ римлянамъ (гл. 1 и 16), напротивъ порицалъ раздѣленія и пороки (1 Кор. 1 и 5) грековъ (XX—XXI). Посему перестаньте замѣчать сучекъ въ глазѣ брата и не видѣть бревна въ своемъ; припомните только иконоборческой соборъ (754 г.) и дѣло Фотія (XXII). „Не хотимъ вѣрить тому, въ чемъ увѣриеть общественная молва, что въ константинопольской церкви, гдѣ, вопреки первому канону св. Никейскаго собора, возводятъ иногда (на кафедрѣ) евнуховъ, однажды возсѣдала на епископскомъ престола женщина (1). Хотя этому гнусному злодѣянію и отвратительному беззаконію чрезвычайность его или страхъ и братское благорасположеніе не позволяютъ намъ вѣрить; но, принимая

(1) Эта клевета, которой папа не вѣритъ по расположенію и вѣритъ по раздраженію, выработалась потомъ въ цѣлую исторію объ Іоаннѣ папѣсѣ, и притомъ не чрезъ грековъ, но чрезъ вѣрныхъ читателей апостольскаго престола—латинягъ, послѣ того какъ, по отзывамъ ревностнѣйшихъ католиковъ, въ X и XI вѣкѣ возсѣдали на немъ *hoi pape-monstroſi* и т. д.

во вниманіе ваше нерадѣніе о св. канонахъ, поелику евнуховъ и съ иными тѣлесными недостатками допускаете не только въ клиръ, но и къ епископству безразлично и притомъ торжественно, думаемъ, что и это могло случиться... Римскій и апостольскій престолъ, родившій благовѣствованіемъ латинскую церковь на западѣ, не есть ли мать и константинопольской церкви на востокѣ, которую чрезъ славнаго сына своего Константина и знатныхъ и мудрыхъ римлянъ старался утвердить не только нравами, но и стѣнами“ (XXIII)? Поэтому константинопольская церковь, забывшаяся въ покоѣ своемъ, когда римская—мать ея подъяла всѣ труды за христіанство, должна уважать и поддерживать, а не оскорблять мать свою (XXIV—XXVІІ). „Но дочь уже и потому не должна являться неблагодарною, что мать удостоила почтить ее выше другихъ. Ибо хотя константинопольская церковь не славнѣе и не знатнѣе другихъ церквей ни какимъ божественнымъ ни человѣческимъ преимуществомъ; однако любящая мать, т. е. римская церковь, не желая совсѣмъ лишитъ возлюбленную дочь дара чести, чрезъ блаженныхъ предшественниковъ нашихъ старалась опредѣлить на нѣкоторыхъ соборахъ, чтобы константинопольскій предстоятель почтенъ былъ древнимъ достоинствомъ главныхъ и апостольскихъ престоловъ, какъ епископъ царствующаго града“ (XXVІІІ). „Говорягъ, что вы заперли почти всѣ латинскія церкви, у монаховъ и настоятелей отняли монастыри, пока не стануть жить по вашимъ уставамъ. Вотъ на сколько отлична въ этомъ отношеніи, умѣреннѣе и человѣколюбивѣе васъ римская церковь! Хотя внутри и внѣ Рима много находится греческихъ монастырей и церквей, но никто

изъ грековъ не стѣсняется и не отвлекается отъ отеческаго преданія или отъ своего обряда, напротивъ вмѣ совѣтуютъ и увѣщиваютъ сохранять его... Пбо знаетъ (римская церковь), что нисколько не вредять спасенію вѣрующихъ различныя по мѣстамъ и временамъ обычаи, когда единая вѣра, производящая любовію добрая дѣла, дѣлаетъ угодными всѣхъ единому Богу“ (XXIX). „Это и вамъ по долгу званія и мѣста вашего слѣдовало бы звать... Чтобы получить это мѣсто, вы должны были не скачкомъ, но съ каноническими промежутками, по порядку (*canonico intervallo, imo plano pede*) восходить изъ мірскаго званія на высоту епископства“ (XXX). Благочестивые государи и православные не должны слушать вашихъ заблужденій; пусть припоминаютъ они, что гордость есть наслѣдственная болѣзнь константинопольскихъ епископовъ (XXXI). Римская церковь никогда не колебалась и не поколеблется въ вѣрѣ, и если мы не равны св. Петру по заслугамъ, то равны ему по должности (*idem sumus officio et non idem merito*) (XXXII—XXXIII).“ „Мы не можемъ терпѣть, чтобы кто-нибудь захватывалъ что-либо по гордости и присвоилъ себѣ вопреки нашему апостольскому престолу и его законамъ, почему всякій, кто старается упразднить или уменьшить важность или преимущества римской церкви, замышляетъ изживленіе и гибель не одной этой церкви, но всего христіанства“ (XXXVI). Старайтесь о единствѣ, какъ члены единого тѣла, и не завидуйте главенству римской церкви, чтобы вмѣстѣ съ главою быть живыми членами тѣла Христова (XXXVII—XXXIX). Въ заключеніе папа общается отвѣчать на обвиненія грековъ объ опрѣснокахъ и пр. особымъ посланіемъ

и собраніемъ отеческихъ свидѣтельствъ (чего впрочемъ не сдѣлалъ) и выражаетъ желаніе, чтобы болѣе не было нужды заниматься этими вопросами и словопреніями (XI—XII).

Посланіе Льва IX, въ которомъ съ такимъ наивнымъ увлеченіемъ и рѣзкостію высказываются мысли о главенствѣ римскаго епископа, о его юрисдикціи надъ всеѣмъ христіанскимъ міромъ, всего менѣе могло быть убѣдительно для константинопольской дочери римскаго престола. Если здѣсь не могли возражать противъ подлинности Константиновой грамоты, то не могли и не знать, что какъ Константинъ, такъ и преемники его стремились къ тому, чтобы епископа своей столицы новаго Рима сравнять съ епископомъ стараго Рима, и какъ бы римскій епископъ ни оспаривалъ права константинопольскаго, послѣдній и по опредѣленіямъ соборовъ и фактически никогда не стоялъ въ зависимости отъ римскаго, а на ряду съ нимъ и съ другими патріаршими престолами пользовался одинакими правами. На востокъ въ это время обращалась уже теорія о необходимости въ церкви пяти патріарховъ, подобно необходимости въ тѣлѣ пяти чувствъ, и какъ чувства не могутъ быть замѣняемы одно другимъ, такъ и патріархи управляютъ независимо одинъ отъ другаго. Изъ практики церкви востоку извѣстно было, что высшій судъ въ церкви принадлежитъ не частному лицу, а вселенскому собору, который не управлялся папами, но судилъ папъ (напр. Гонорія) наравнѣ съ другими епископами. Константинополю всего менѣе извѣстна была заботливость любящей матери—римской церкви о дарованіи правъ любимой дочери—константинопольской; прямое и постоянное отрицаніе правъ ея со стороны

папы было напротивъ всегдашнимъ источникомъ враждебныхъ столкновений. Далѣе обидное указаніе на возникшія на востокѣ ереси, которыя и подавлялись тѣмъ же пытливымъ — догматизирующимъ духомъ грековъ, который производилъ ихъ, подавлялись часто безъ содѣйствія папъ, не всегда понимавшихъ различіе ереси отъ православнаго ученія. —эго указаніе мало могло содѣйствовать устраненію возникшихъ разногласій. Уклоненіе папы отъ разсужденія о спорныхъ предметахъ могло казаться грекамъ намѣреннымъ упорствомъ въ заблужденіяхъ. Наконецъ нападеніе, и притомъ несправедливое, на личность самого патріарха константинопольскаго, что онъ изъ мірянъ взошелъ на патріаршій престолъ, что поэтому и не знаетъ и долженъ учиться тому, чему желаетъ учить другихъ, не могло произвести ничего, кромѣ личнаго раздраженія, всегда вреднаго для общаго мира.

Но обстоятельства скоро измѣнились къ лучшему. Императоръ Константинъ Мономахъ, желая возвратить отнятыя норманнами греческія владѣнія въ Италіи при пособіи папы и германскаго императора, вступилъ въ миролюбивыя сношенія съ папой. Онъ написалъ папѣ письмо, въ которомъ выразилъ желаніе возстановить давно прерванное общеніе между церквами и устранить церковное разногласіе; къ тому же побудилъ и патріарха Михаила. Хотя письма ихъ къ папѣ не дошли до насъ, но мы знаемъ содержаніе ихъ изъ отвѣтныхъ писемъ папы, съ которыми онъ отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь въ началѣ 1054 года. Въ письмѣ къ императору папа хвалитъ его за то, что „послѣ столь долгихъ и опасныхъ разногласій, онъ первый явился совѣтникомъ, носителемъ и споспѣшникомъ

мира и согласія⁴, что оны оказался такимъ почтительнымъ къ верховной матери церкви римской и къ главѣ ея—папѣ. „Кто этотъ глава, твоя императорская свѣтлость хорошо знаетъ: тотъ именно, кого голосъ Христа превознесъ надъ всеми и кого общее согласіе св. отцевъ постоянно доселѣ прославляло; коего достойное лице и ты расположился почитать изъ благодарности къ тому, кто твою главу прилично украсилъ діадимомъ земной власти и сдѣлалъ страшнымъ и любезнымъ народамъ,—именно этотъ древній и почтенный заслугами Римъ⁴, и т. д. Далѣе папа рассказываетъ, какія мученія терпѣли жители Италіи отъ норманновъ, какъ оны увѣщевалъ ихъ и какъ наконецъ долженъ былъ двинуться противъ нихъ съ войскомъ, на которое они сдѣлали вѣроломное нападеніе; но оны ожидаетъ еще со дня на день помощи императора Генриха III и его—Константина. „Посему, преданнѣйшій сынъ и свѣтлѣйшій императоръ, соблаговоли помочи намъ къ возвышенію твоей матери св. Церкви, и къ возстановленію преимуществъ, достоинства и важности ея, а также наследственныхъ владѣній въ предѣлахъ твоей власти, какъ ясно можешь усмотрѣть изъ писаній и дѣяній достопочтенныхъ предшественниковъ нашихъ или твоихъ. Сдѣлавшись великимъ преемникомъ великаго Константина во крови, имени и власти, будь подражателемъ ему и въ преданности къ апостольскому престолу⁴. „Кромѣ того собрать нашъ архіепископъ Михаилъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ увѣщеваетъ насъ къ согласію и единенію... Но пусть знаетъ твоя свѣтлость, что до нашего слуха дошло многое и нестерпимое о его превозношеніяхъ, какъ, воспламенившись даже открытымъ преслѣдованіемъ на латинскую церковь, не

страшился анаематствовать всѣхъ, которые принимаютъ таинства (причащенія) на опрѣснокахъ, и что, стремясь лишить александрійскаго и антиохійскаго патріарховъ ихъ древняго достоинства, честолюбиво желаетъ подчинить ихъ себѣ вопреки справедливости и закону; и многое рассказываютъ о его злоупотребленіяхъ, какъ можешь узнать подробнѣе отъ нашихъ пословъ. Если, чего да не будетъ, онъ будетъ упорствовать въ этомъ, то никакъ не можетъ получить нашего мира... Надѣмся впрочемъ, что, при помощи благодати Божіей, онъ окажется невиннымъ въ этомъ или исправившимся, или по увѣщаніи скоро перестанетъ и сдѣлается не такимъ, какъ объ немъ говорятъ, но какимъ мы усердно желаемъ и надѣмся видѣть его⁴. Въ заключеніе папа рекомендуетъ императору своихъ пословъ (1).

Въ посланіи къ патріарху Михаилу, котораго папа съ намѣреніемъ, конечно, называетъ только архіепископомъ, Левъ IX выражаетъ свою радость о томъ, что патріархъ желаетъ мира между церквями; надѣется, что патріархъ можетъ быть полезнымъ служителемъ церкви Божіей, если только будетъ слѣдовать опредѣленіямъ св. отцевъ; повторяетъ, что слышалъ объ немъ, именно, что онъ неопитъ, т. е. не чрезъ узаконенные промежутки времени вступилъ на патріаршій престолъ, что старается патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго лишить древнихъ правъ ихъ, укоряетъ за дорогостоящее употребленіе титула „вселенскаго патріарха“, который могъ быть приличенъ только папѣ, но отъ котораго римскіе первосвященники всегда отказывались. „Кто не изумится тому, что послѣ столь св. и

(1) См. стр. 85—89.

православныхъ отцевъ ты чрезъ 1020 лѣтъ отъ страданія Спасителя являешься новымъ хульникомъ латинской церкви, проклиная и воздвигая открытое преслѣдованіе на всѣхъ, которые употребляютъ въ таинствѣ опрѣсноки⁴. Папа старается доказать, что Христосъ, пришедшій исполнить законъ, необходимо долженъ былъ совершить пасху на опрѣснокахъ, иначе пострадалъ бы законно, какъ нарушитель закона; да другаго хлѣба нельзя было и найти въ это время. „Но какъ объ этомъ, такъ и о прочемъ, въ чемъ ты укоряешь насъ, пространнѣе научись изъ *друшихъ* нашихъ писаній, которыя принесутъ наши послы⁵... Ты писалъ намъ, что если чрезъ насъ одна римская церковь приметъ твое имя (въ диптихи), то всѣ церкви (1) во вселенной чрезъ тебя примутъ наше имя. Какая нелѣпость, возлюбленный братъ! Римская церковь, глава и мать церквей, не имѣетъ членовъ и дочерей! Какъ же она можетъ называться главой или матерью?.. Кто дорожить именемъ христіанина, пусть перестанетъ злословить и оскорблять св. римскую и апостольскую церковь⁶. Въ заключеніе папа выражаетъ надежду, что патріархъ скоро окажется виновнымъ или исправится, и миръ между церквами водворится: „тогда не нужно будетъ тебѣ просить насъ, но повелѣвать. Кромѣ того содѣйствуй, какъ началъ, чтобы два великія царства соединились въ желанномъ союзѣ (2)⁶“.

Подъ другими писаніями, которыя послы должны были принести въ Константинополь, папа Левъ IX разумѣлъ, вѣроятно, свое первое обширное посланіе, въ которомъ

(1) Разумѣется, конечно, восточн. патріархи.

(2) Т. е. противъ Норманновъ Генрихъ III и Константинъ Мономахъ.

доказывается главенство римской церкви (1), и Humberti cardinalis dialogus, въ которомъ содержится опроверженіе на посланіе Льва Ахридскаго (2). Въ обширномъ разговорѣ Гумберта константинополець потворять отъ слова до слова посланіе Льва Ахридскаго, а римлянинъ возражаетъ и опровергаетъ. Этотъ разговоръ былъ переведенъ на греческій языкъ, по приказанію

(1) Прежде чѣмъ это посланіе было отправлено въ Константинополь, подошли мирныя предложенія императора и патриарха; по этому наша отвѣчалъ имъ другими посланіями въ смягченномъ тонѣ. „Diese beiden Briefe an den Kaiser und den Patriarchen, говоритъ Гезеле, weisen mit keiner Silbe darauf hin, dass der Papst schon früher ein anderes, jenes „grosse und strenge Schreiben an Ceralarius“ verlassen habe; ja sie schlagen einen solchen Ton an, dass die Vermuthung nahe liegt, jener frühere Brief sei zwar bereits abgefasst, aber noch nicht abgeschickt gewesen, als die Friedensanerbietungen von Constantinopel anlangten (Conciliengesch. B. IV. S. 73). Но для прѣвій въ Константинополь оно казалось папѣ необходимымъ; потому онъ вручалъ его своимъ посланцамъ, какъ руководство. Было ли потомъ оно передано патриарху, неизвѣстно; патриархъ не упоминаетъ о немъ.

(2) Этотъ разговоръ Гумбертъ сочинилъ, безъ сомнѣнія, еще въ Италіи; потому что онъ очень обширенъ, а послы пробыли въ Константинополь только около мѣсяца, и кромѣ того Гумбертъ долженъ былъ тамъ писать другое сочиненіе въ опроверженіе Никиты Стифата. Такъ думаютъ многіе ученые, напр. Гюбнеръ, Гезеле, и др. Виль же на основаніи словъ Виберга въ жизни Льва IX: „Humbertus edidit contra eorum patida scripta responsionem instar dialogi, ab ipso Latine scriptam procrisarius sui tempore Constantinopoli“ (стр. 93), думаетъ, что разговоръ написанъ въ Константинополь. Но Вибергъ часто дѣлаетъ невѣрныя показанія. Впрочемъ можно допустить, что разговоръ въ Константинополь былъ неправиленъ и дополненъ; потому что въ немъ встрѣчаются опроверженія на такія мысли, которыхъ нѣтъ въ посланіи Льва Ахридскаго и которыя Гумбертъ слышалъ, вѣроятно, при прѣвіяхъ въ Константинополь. Напр. „Sciscitantibus nobis, unde Dominus Iesus fermentatum in coena habuerit, cum in omnibus finibus Israël non inveniretur, respondent: si creditur omnipotens, potuit subito undecunque fermentatum exhibere aut certe ipsum azymum benedicendo fermentare“; или: „astruere conamini Dominum non celebrasse pascha cum Iudaeis quarta decima luna mensis primi, sed priusquam fieret legalis abjectio fermentati“ (стр. 102), и под.

нію императора, и, конечно, еще болѣе содѣйствовалъ раздраженію грековъ противъ западной церкви. Такъ какъ онъ составляетъ *chef-d'oeuvre* католической полемики противъ греческой церкви, которымъ доселѣ восхищаются католики ⁽¹⁾; то мы позволимъ себѣ войти въ ближайшее разсмотрѣніе его.

Отрицая, чтобы греки дѣйствительно изъ любви къ римской церкви указывали ея отступленія отъ древней практики, такъ какъ они „въ слѣпой и неслыханной дерзости“ въ нападеніяхъ на римскую церковь „превозмогли глупость всѣхъ еретиковъ“, Гумбертъ доказываетъ, что упрекъ въ сообщеніи съ іудеями въ опрѣснокахъ и субботахъ совершенно несправедливъ, какъ можно видѣть изъ сличенія того, что заповѣдано было іудеямъ на счетъ опрѣсноковъ (Исх. XII, 18—20; 15—17. XIII, 6. 7. XXXIV, 18. Лев. XXIII, 5—8. Числ. XXVIII, 16—22. Втор. XVI, 1—4) и субботъ (Исх. XX, 8—11. XXXIV, 21), и того, что дѣлается въ римской церкви. Тоже оружіе онъ обратилъ даже противъ нихъ и съ равною несправедливостію. „Скажите, почему вы общаетесь съ іудеями въ одинаковомъ соблюденіи субботы? Они празднуютъ субботу, и вы празднуете: они имѣютъ праздничный столъ и всегда разрѣшаютъ въ субботу постъ, и вы торжествуете и всегда разрѣшаете въ субботу постъ (I—VI)“. Что касается этимологическаго доказательства и дѣлаемаго изъ него вывода въ пользу краснаго хлѣба, то оно ничего не доказываетъ. „Опытные языковѣды, говоритъ Гумбертъ, даютъ словамъ различное значеніе болѣе условно (*secundum humanum placitum magis*), нежели по

(1) Hefele, Conciliengesch. B. IV. S. 735.

природѣ вещей⁴. По этому хлѣбомъ (*ἄζυρος, panis*) различно называется какъ квасный, такъ и прѣсный хлѣбъ: такъ называется въ Писаніи мавна, хлѣбы предложенія, хлѣбы Авраама, которыми онъ угощалъ трехъ странниковъ, и пр. Приписывать же одушевленіе квасному хлѣбу значить манихействовать; потому что только манихен считали одушевленными хлѣбъ, вино, дерево и пр. (VII—XIII). Христосъ долженъ былъ совершить пасху на опрѣснокѣхъ; иначе онъ нарушилъ бы законъ и, какъ презритель его, подлежалъ бы смертной казни вмѣстѣ съ учениками. Да и не могъ бы достать квасныхъ хлѣбовъ, потому что былъ уже 14 день мѣсяца, когда ничего кваснаго нельзя было найти въ домахъ іудеевъ (XIV—XVIII). Пазывать опрѣснокъ, на которомъ совершается таинство евхаристіи, камнемъ или глиной—есть хула; потому что квасный ли, прѣсный ли хлѣбъ въ таинствѣ дѣлается одинаково хлѣбомъ жизни, а безъ таинства одинаково неодушевлены. По составу своему опрѣснокъ болѣе приличенъ для таинства, нежели квасный хлѣбъ; потому что онъ состоитъ изъ меньшаго числа элементовъ и вообще чище (XIV—XXXVI). При этомъ Гумбертъ нападаетъ на разные обычаи грековъ, именно, что они безъ разбора принимаютъ хлѣбы для евхаристіи, купленные даже у булочниковъ: что они коіемъ вырѣзываютъ для жертвы часть изъ хлѣба, что не точно соотвѣтствуетъ цѣлостному, несокрушенному тѣлу Господа; что они вкладываютъ хлѣбъ въ чашу и употребляютъ для причащенія лжицу, чего не дѣлалъ Господь и чего не дѣлается въ церкви іерусалимской, хранительницѣ апостольскихъ преданій; что они сожигаютъ, зарываютъ въ землю или выливаютъ въ рѣку остатки св.

евхаристіи, что показываетъ великое пренебреженіе и безстрашіе. Наконецъ, по поводу заявленія грековъ, что опрѣсноки, какъ Моисеево установленіе, устранены—*καταργηθέντα* евангелиемъ, Гумбертъ, прочитавшій *καταργηθέντα*—прокляты, удивляется „святогосподственней и бѣшеной глупости“ грековъ, пускается въ длинное разсужденіе о важности ветхаго завѣта—прообраза Христова и доказываетъ, что не все, заключающееся въ моисеевомъ законѣ, отгѣнено новымъ завѣтомъ, что въ церкви христіанскую взято много изъ іудейской (алтарь, жертвенникъ, подсвѣчники, сосуды, одежды и т. д.); что если отгѣненъ весь законъ Моисеевъ, то христіане должны поступать вопреки десятословію, т. е. ненавидѣть Бога и ближняго, не почитать отца и матери, убивать и т. д.; что если опрѣснокъ отгѣненъ, то и квасной хлѣбъ также, такъ какъ и объ немъ есть предписанія въ законѣ (Лев. VII, 11. 13. XXIII, 17) и под. (XXXVII—XLIV).—Субботу римляне соблюдаютъ не по іудейски; потому что и путешествуютъ и дѣлаютъ, что нужно, а постятся какъ въ день печали въ память того, что тѣло Христово находилось въ этотъ день во гробѣ; а это лучше, нежели съ утра до ночи предаваться разнымъ забавамъ и неумѣренному пьянству, какъ дѣлаютъ греки. Особенно Гумбертъ издѣвается надъ «чудной философіей грековъ, надъ остроуміемъ неинской академіи», по поводу замѣчанія, что соблюдающіе субботу ни іудеи ни христіане“ (XLV—XLVIII). Заповѣдь не ѣсть крови и удавленины дана въ ветхомъ завѣтѣ іудеямъ; „а мы отъ Господа и отъ апостоловъ имѣемъ позволеніе ѣсть все, что не вредитъ нашему или братнему спасенію... мы ли, вы ли, что заняли отъ предковъ нашихъ или по обычаю употреб-

даемъ въ пищу, того и станемъ держаться, такъ чтобы не ядущій не презиралъ ядущаго, и ядущій не осуждалъ не ядущаго“. Заповѣдь, данная апостолами принимающимъ христіанство язычникамъ, воздерживаться отъ крови и удушенныи принадлежитъ тому времени, когда они по необходимости соблюдали еще нѣкоторыя плотскія заповѣди ветхаго завѣта, ходили напр. въ храмъ, гдѣ приносились жертвы, обрѣзывали учениковъ и вообще оказывали снисхожденіе къ іудеямъ; но по паденіи іудей исчезло вліяніе ветхаго завѣта и сдѣлалось „все чисто для чистыхъ, потому что освящается словомъ Божиимъ и молитвою“ (XLIX—LV). Аллилуія латиняне не поютъ во дни поста, какъ радостную пѣснь, въ знакъ печали о томъ, что человекъ чрезъ прародительскій грѣхъ удалился отъ Бога и отъ общенія съ ангелами; когда же празднуется воскресеніе Христа изъ мертвыхъ, который переимѣнилъ нашу печаль на радость, то и они начинаютъ пѣть аллилуія и поютъ въ продолженіе всего года, а не однажды въ годъ только на пасху, какъ увѣряютъ греки (LVI—LVIII). Въ заключеніе на миролюбивое приглашеніе Льва Ахридскаго къ исправленію и на обѣщаніе написать о предметахъ разногласія больше и подробнѣе (πλεονεξία, что Гумбертъ переводитъ perfectiora), кардиналъ отвѣчаетъ весьма злой выходкой противъ грековъ, въ которой ходившіе про нихъ въ Италиі рассказы украсилъ собственнымъ остроуміемъ и клеветой. „Вы обѣщаете большее и лучшее къ показанію вѣры и утвержденію душъ, приглашая простодушныхъ и безумныхъ къ сладости воровской воды и пріятности краденаго хлѣба (Притч. IX, 13—18). Всеконечно воровская вода, въ которой вы перекрещиваете латиняняъ,

православно крещенныхъ, тогда какъ ни одинъ православный не доходилъ до того, чтобы перекрещивать крещенныхъ даже еретиками во имя св. Троицы. По истивѣ не знаю къ какому краденому хлѣбу вы приглашаете, когда животворящія и страшныя тайны тѣла и крови Іисуса Христа попираете скверными ногами... Это ли большее и лучшее, что недавно женатый, совершенно истощенный и утомленный новымъ сладострастіемъ, служить алтарю Христову и руки, освещенныя его непорочнымъ тѣломъ, тотчасъ переносить къ женскимъ объятіямъ (1). Это ли лучшее, что роженицамъ и страдающимъ кровотеченіемъ (2) женщинамъ отказывается въ причащеніи? или язычникамъ запрещается крещеніе? и у младенцевъ, умирающихъ прежде осьми дней (по рожденіи) отнимается возрожденіе водою и Духомъ Святымъ?.. И это не оттуда ли, что на распятіи Христовомъ утверждаете образъ умирающаго человѣка, такъ что на крестѣ Христовомъ возсѣдаетъ нѣкій антихристъ, показующій себя достопоклоняемымъ, какъ Богъ? И это не оттуда ли, что для монаховъ хуже надѣвать исподнее платье и ѣсть мясо, нежели любодѣйствовать? Не для того ли забираете латинскія церкви и распространяете посланія по всему міру, чтобы привлечь весь народъ христіанскій къ этому боль-

(1) Ту же картину Гумбертъ рисуетъ еще грязнѣе въ другомъ сочиненіи и бросаетъ этой грязью въ лицо уже всему греческому народу: назначаемые къ священству, говоритъ онъ, „принуждаются прежде жениться и потомъ уже рукополагаются, ut novi mariti et recenti carnis voluptate toti resoluti et maridi et inter sancta sacrificia cogitantes, quomodo placeant uxoribus, immaculatum Christi corpus tractent atque populo distribuunt indeque sanctificatas manus ad tractandum membra muliebria mox referant et sic sicut populus sic et sacerdos et tandem populi sint (sicut) sacerdotes mali“ (Вилл. стр. 150).

(2) Собственно: in menstruo periclitantibus.

шему и лучшему? Все подобное не есть показаніе истинной вѣры, но изобрѣтеніе діавола, не къ утвержденію, но къ гибели душъ. За всѣ эти и другія заблужденія, которыя долго перечислить на бумагахъ, если не отстанете и не воздадите достойнаго удовлетворенія, преданы будете въ сей и въ будущей жизни невозвратному проклятію отъ Бога и отъ всѣхъ православныхъ, за которыхъ Хригосъ положилъ свою душу“ (LIX—LXVI) (1). Вообще искаженіе текста, насмѣшки, придирки, клеветы на греческую церковь обильно разсыпаны по всему діалогу Гумберта „тонъ слишкомъ рѣзкій и діалектика черезчуръ бранчивая для цѣли соединенія“, какъ замѣчаетъ Гефеле (2). Чтобы не показаться пристрастнымъ въ сужденіи о произведеніи Гумберта, приведемъ сужденіе объ немъ одного католическаго историка. „Сочиненіе, говоритъ Шихлеръ, которое Гумбертъ написалъ въ опроверженіе упрековъ, сдѣланныхъ Керулларіемъ латинянамъ, было не серьезный разборъ, но пасквиль, который не только повторялъ старую пѣсню, что востокъ есть отечество всѣхъ ересей, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ вину патриарху и греческой церкви такія вещи, которыя были чистыми выдумками“ (3).

Вмѣстѣ съ Гумбертомъ папа Левъ IX отправилъ въ Константинополь ослами Фридриха, кардиналъ-діакона и канцлера римской церкви (послѣ папа Стефанъ X) и архіепископа амалфійскаго Петра. Во главѣ посольства стоялъ Фридрихъ, но душою его былъ миролюбивый Гумбертъ. Съ почестями приняты въ Константинопо-

(1) Вилл. стр. 93—126.

(2) Conciliengesch. B. IV. S. 735.

(3) Gesch. d. kirchl. Trennung. B. I. S. 258.

лѣ императоромъ и народомъ, они помѣщены были въ студійскомъ монастырѣ. Но въ сознаниі величія римской церкви послы вели себя слишкомъ гордо противъ грековъ, такъ что вскорѣ переговоры съ ними сдѣлались невозможными. Патріархъ Михаилъ послѣ писалъ антиохійскому патріарху Петру, какъ „они, пришедши въ царствующій градъ, представились сначала державному императору въ пышной одеждѣ съ надмѣннымъ духомъ и поведеніемъ. Потомъ, пришедши къ вашей мѣрности, кто расскажетъ, какое показали высокомеріе, высококорѣчіе и гордость. Не сказали намъ какого-нибудь привѣтствія, не вздумали хоть сколько нибудь преклонить своихъ головъ и воздать намъ обычное почтеніе и никакъ не захотѣли сидѣть ниже митрополитовъ, собравшихся съ нами въ приѣмной палатѣ, какъ требовалъ древній обычай, считая это безчестіемъ себя“ (1). Патріархъ, конечно, намѣренно и, замѣтимъ, несправедливо, съ цѣлю униженія гордыхъ пословъ, предложилъ имъ низшія мѣста, которыхъ они не могли принять и, вручивши ему папское посланіе, удалились. Ясно стало, что соборное разсужденіе о спорныхъ предметахъ оказалось невозможнымъ при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ: „Михаилъ, говоритъ Гумбертъ, избѣгалъ присутствія и разговора съ послами и упорствовалъ въ своей глупости“ (2). Поэтому въ присутствіи императора и вельможъ устроено было въ студійскомъ монастырѣ преніе пословъ съ ученымъ монахомъ и потомъ игуменомъ Никитой Стифатомъ (по ла-

(1) Вилл. стр. 177.

(2) *Hamberti brevis et succineta commemoratio eorum, quae gesserunt apostolici sanctae romanae et apostolicae sedis in regia urbe* (Вилл. стр. 150—152).

тынѣ Pectoratus). Но и здѣсь, конечно, не могло быть правильнаго прѣвнiя; на сторонѣ легатовъ былъ императоръ, и стороны были слишкомъ не равны. Насилie превозмогло, „Никита монахъ, онъ же и Пекторатъ, говоритъ Гумбертъ, въ присутствii императора и вельможъ его, по настоянiю римскихъ пословъ, анаематствовалъ нѣкоторое сочиненiе, изданное подъ его именемъ противъ апостольской и всей латинской церкви и озаглавленное: объ опрѣснокѣ, о субботѣ и о бракахъ священниковъ. Кромѣ того анаематствовалъ всѣхъ, которые откажутся признавать святую римскую церковь первою изъ всѣхъ церквей и которые осмѣлятся упрекать въ чемъ-нибудь ея вѣру, всегда православную“. Потомъ, по приказанiю императора, сочиненiе его было публично сожжено. На другой день Никита пришелъ къ посламъ во дворецъ источниковъ (Pluxi), гдѣ снова начался разговоръ о спорныхъ предметахъ. „Получивши отъ нихъ совершенное разрѣшенiе на свои вопросы, онъ въ другой разъ добровольно анаематствовалъ всѣ слова и поступки или покушенiя противъ перваго и апостольскаго престола. Посему принятый ими въ общенiе сдѣлался ихъ искреннимъ другомъ (?)“. Далѣе сочиненiя Гумберта противъ Льва ахридскаго и Никиты, по приказанiю императора, переведены были на греческiй языкъ. Такъ какъ въ сочиненiи, изданномъ подъ именемъ Никиты, справедливо можно предполагать участiе патрiарха и вообще въ немъ излагались мысли восточныхъ, и на оборотъ собственное произведенiе противъ Никиты, Гумбертъ называетъ сочиненiемъ *пословъ* (eogundem nuntiorum), т. е. выраженiемъ мыслей западныхъ: то мы познакоимся съ содержанiемъ того и другаго.

Никита Стифатъ послѣ вступленія, исполненнаго любви и смиренія, разсуждаетъ объ опрѣснокахъ и повторяетъ тѣ же мысли о квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ, какія встрѣчались уже въ посланіи Льва, именно, что опрѣснокъ, не имѣющій жизненности, не соотвѣтствуетъ существу животворящаго тѣла Христова, что употребляющіе опрѣснокъ остаются во тьмѣ закона ветхаго и что Христосъ преподавалъ апостоламъ хлѣбъ, а не опрѣснокъ (panem et non azutum). Но, вслѣдствіе возраженій со стороны латинянь, послѣднее обстоятельство оказалось нужнымъ опредѣлить точнѣе, что онъ и старается сдѣлать такимъ образомъ: "Христу надлежало пострадать въ день законной пасхи, въ который евреями закалался и агнецъ. А пасхѣ у богоубійць надлежало быть въ шестой день или въ 14 день луны перваго мѣсяца 5534 года; ибо кругъ солнца былъ тогда 18, а луны 5; такъ что еще не преданный Христосъ предварилъ преподавать ученикамъ Свою пасху, возлежа за столомъ вечеромъ пятаго дня, послѣ ужина взялъ хлѣбъ и преломилъ, преподавалъ апостоламъ таинство новаго завѣта въ ночь пятаго дня, когда преданъ былъ Іудой... Былъ тогда 13 день луны въ 5-й день и не было опрѣснока, ни прекращенія (употребленія) кваснаго хлѣба... Если же Христосъ закланъ былъ и распятъ въ 14 день луны, въ 6 день, а въ субботу былъ праздникъ опрѣсноковъ, то когда ѣлъ онъ опрѣсноки или предалъ апостоламъ такъ дѣлать въ Новомъ Завѣтѣ? Далѣе изъ законодательства Моусеева (Лев. XXIII, 4—6) онъ доказываетъ, что Христосъ „прежде праздника опрѣсноковъ совершилъ таинство новаго завѣта, когда былъ 13 день мѣсяца“; и приводитъ постановленіе 6 вселенскаго собора (прав. II.) противъ

употребленія опрѣсноковъ. Прогливъ поста въ субботу Никита приводитъ изъ постановленій апостольскихъ кн. 5 и 7) опредѣленіе поститься въ среду и пятницу и праздновать субботу и воскресенье, и правило апостольское (66): „если кто клирикъ окажется постящимся въ воскресенье или въ субботу, кромѣ одной единственной, да будетъ низверженъ; если же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Далѣе онъ примѣняетъ противъ латинянъ правила: апостольское 69, собора гавгрскаго 19, лаодикійскаго 50 и 48, и 6 вселенскаго 52 и 55, которыя всё такъ или иначе запрещаютъ постъ въ субботу. Противъ безбрачія священниковъ Никита приводитъ постановленій апостольскихъ книг. 6 гл. 17, и правила апостольскія 5 и 40 и 6 вселенскаго собора 13, которыя всё не только дозволяютъ священникамъ брачное сожитіе, но и запрещаютъ прекращеніе его подъ предлогомъ воздержанія. Въ заключеніе онъ увѣщиваетъ римлянъ „мужей мудрѣйшихъ и знатнѣйшихъ предъ всѣми другими народами“, которые были „всегда свѣтлымъ окомъ церкви Божіей и всего міра“, оставить свои нововведенія и не прерывать единенія съ своими собратьями (1).

На это сочиненіе Никиты Гумбертъ написалъ въ Константинополѣ „отвѣтъ или возраженіе“ (2). „*Gore te-*

(1) Видл. стр. 127—136.

(2) Видл. стр. 136—150. Сочиненіе это, со словъ Виберта въ жизни папы Льва IX (lib. II, cap. 9), Гезлеръ, Гизебрехтъ и другіе ученые приписываютъ кардиналу Фридриху; но совершенно несправедливо. Въ немъ Гумбертъ три раза ссылается на первое свое сочиненіе противъ Льва Ахридскаго: „*Quod satis ostenditur in superiori nostra narratione, ubi commentis complicum tuorum, Michaelis scilicet Constantinopolitani et Leonis Achridani volumus obviare... Satis ostenditur in alia nostra epistola... Sed de his alias copiose disseruimus.*“

бъ, Саравантъ (1), обращается онъ въ началѣ отвѣта къ Никитѣ, ты непроникнутый монашескимъ послушаніемъ, водимый своей волей и пожеланіемъ, страшно наразбойничалъ противъ св. римской и апостольской церкви и соборовъ всѣхъ св. отцевъ, глупѣйшій осла, ты покусился сокрушить чело львиное и стѣну алмаментову! И въ своемъ покушеніи остался не побѣдителемъ заблужденія, но побѣжденнымъ отъ заблужденія; не пресвитеръ (старецъ), но устарѣвшій въ злыхъ дняхъ и проклятый столѣтній отрокъ, достойный называться скорѣе епикурейцемъ, нежели монахомъ... Справедливо прозываешься *Pectoratus*, потому что съ древнимъ змиемъ ползаешь на персяхъ (*super pectus tuum*)... Отвратительнѣе всякаго яда, напоая смертоносную чашу медомъ любви и благоуханіемъ смиренія, составилъ изъ сказанныхъ добродѣтелей усладительное предисловіе, чтобы, по вкушеніи сладкаго, заставить немедленно проглотить желчь драконову и остальной ядъ"... За такимъ любезнымъ предисловіемъ слѣдуютъ нелѣпѣйшія придирки къ словамъ, пересыпанныя подобными обращеніями: „замолчи, собака; прикуси языкъ, злой несь!“, пока кардиналъ не дошелъ до вопроса о времени совершенія тайной вечери (1—X). „Христось не нарушилъ ни одной іоты ветхаго закона. Посему и пасху праздновалъ въ 14 день луны, вечеромъ 5 дня по субботѣ (*ad vesperum quinta sabbati*) и взятый въ ту же ночь распятъ былъ въ 15 день луны, т. е. въ 6-й по субботѣ, который въ частности называется первымъ днемъ опрѣсноковъ; хотя и во весь предыду-

(1) Саравантами назывались отшельники въ Египтѣ, жившіе малыми обществами, безъ уставовъ и настоятелей, иногда даже въ брачномъ сожитіи (см. *Cassian. collat.* 18. 4, 7).

щій день, т. е. въ 14 день луны, во всѣхъ предѣлахъ израиля нельзя было найти кваснаго хлѣба. Ибо и агнецъ съѣдался съ опрѣсноками. Потому если, какъ ты увѣряешь, Христось совершилъ пасху въ 13-й день луны съ кваснымъ хлѣбомъ, то былъ вдвойнѣ виновень и по справедливости достоинъ наказанія по закону за то, что совершилъ пасху не въ свое время, и за то, что съ кваснымъ хлѣбомъ (1). 11 правило 6 вселенскаго собора не относится къ римлянамъ (XI—XV). Отвергая правило противъ поста въ субботу, взятое изъ постановленій апостольскихъ, какъ апокрифическое, „ложное преданіе“, Гумбертъ изъ небывалыхъ актовъ 6 вселенскаго собора рассказываетъ, какъ во время его епископъ Іоаннъ служилъ въ церкви св. Софіи литургію съ латинскими обрядами и какъ, на вопросъ императора Константина о совершеніи таинства евхаристіи въ римской церкви, легаты папскіе отвѣчали,

(1) Ученые доселѣ несогласны въ мнѣніяхъ о томъ, когда Христось совершилъ пасху, 13 или 14 Нисана. Во второмъ вѣкѣ было господствующимъ мнѣніе, что Христось совершалъ свою пасху 13 и умеръ на крестѣ 14 Нисана, какъ видно изъ сочиненій Климента пресв. александрійскаго и Ппполита Портійскаго; Аполллинарій епископъ Іераспольскій называетъ заблужденіемъ мнѣніе тѣхъ, которые „говорятъ, что Господь 14 въ агнцѣ съ учениками, а въ великій день опрѣсноковъ пострадалъ“ (Согр. Scr. Hist. Byzant. Chron. Pasch. vol. I. p. 12—15. Bonn, 1832. Но въ пятомъ вѣкѣ стало усиливаться мнѣніе, что Христось 14 Нисана совершилъ еще съ учениками законную пасху и 15 пострадалъ, какъ видно изъ посланія Протерія епископа алек. къ папѣ Лью (Adeler, Handb. d. Chron. V. II. § 264—267). Во 11 вѣкѣ вопросъ этотъ сдѣлался уже второстепеннымъ въ спорѣ объ опрѣснокахъ, и греч. церковь держалась болѣе древняго мнѣнія, основаннаго на точнѣйшемъ опредѣленіи времени тайной вечера въ евангеліи Іоанна. Въ новѣйшее время греческаго мнѣнія держались и держатся весьма многіе ученые, если не большая часть, и на различныхъ основаніяхъ, какъ Иделеръ, Люкке, Зиѳертъ, де-Ветте, Блассъ, Неандеръ и т. д. (см. Lehrb. d. hebr.—jüd. Archæol. de Wette, 1864, S. 320—322; Neander, Leben S. Chr. 1852, I. 689—692).

что „хлѣбъ, приносимый въ жертву къ олтарю, не долженъ имѣть никакого смѣшенія или кваснаго поврежденія, подобно тому, какъ блаженная дѣва Марія зачала и родила Христа безъ всякаго поврежденія“, и что „хлѣбъ долженъ быть прѣсный, какъ постановлено въ папскихъ дѣянiяхъ (*in gestis pontificalibus*) блаженнымъ Сильвестромъ (1). Тогда благочестивѣйшему императору Константину понравилось это преданiе апостольскаго престола“, увѣряетъ Гумбертъ (XVI—XIX). Противъ опредѣленiя пято-шестаго вселенскаго собора, повторившаго апостольское правило, кардиналь такъ возражаетъ: „зная, что 6 соборъ созванъ былъ для исторженiя ереси грековъ (а папа Гонорiй?) моноелитовъ, а не для преданiя римлянамъ новыхъ постановленiй, главы, которыя вы противополлагаете намъ подъ его авторитетомъ, совершенно отвергаемъ, потому что первый апостольскiй престолъ никогда ихъ не принималъ и доселѣ не соблюдаетъ, и потому что или онѣ не существуютъ или подложны (*aut nulla, aut depravata sunt*)... Опредѣленiе, по которому клирикъ, постящiйся въ субботу, кромѣ одной, подвергается низверженiю, слѣдуетъ назвать скорѣе правиломъ назареевъ, нежели апостольскимъ, Керинѳа и Евiона, нежели шестаго собора и папы Агаѳона“ (XX). Точно также отвергаетъ онъ обязательность и другихъ правилъ, защищаетъ обычай римской церкви служить во всѣ дни четырехде-

(1) Во время 6 всел. собора и послѣ въ продолженiе всего VIII вѣка и въ западной церкви несомнѣнно употреблялся для таинства евхаристiи квасный хлѣбъ, какъ видно между прочимъ изъ 6 правила 16 толедскаго собора (693 г.), въ которомъ говорится о приношенiи къ олтарю домашняго обжарованнаго хлѣба (Hefele, Conciliengesch. B. III. S. 321 Neander A. G. d. chr. Relig. u. Kirche, 1856. B. II. S. 319).

сятницы обыкновенную литургію, а не преждеосвященныхъ даровъ (вопреки 52 правилу трулльскаго собора), папскими подложными опредѣленіями, и не забываетъ при этомъ нападать на обычаи грековъ: „Учиться обряду вашей литургіи мы не желаемъ, потому что не видимъ при ней никакого благоговѣнія и величайшую небрежность, когда преломляя и принимая святой хлѣбъ не заботитесь о падающихъ кусочкахъ. Тоже бываетъ, когда неблагоговѣнно обмахиваете святыя чаши пальмовыми листьями и свивой щетиной. Нѣкоторые изъ васъ такъ неблагоговѣнно вкладываютъ тѣло Христово, что чаши переполняются, и чтобы ничего не выпадало или не вытекало, втискиваютъ рукой. И остатки приношенія, какъ обыкновенныя хлѣбы, ѣдятъ иногда до пресыщенія, и если не могутъ съѣсть, зарываютъ въ землю или бросаютъ въ колодезь... Проповѣдуя намъ о воздержаніи весьма немногихъ, зачѣмъ умалчиваете объ обжорствѣ многихъ, которые или мало или вовсе ничего не приносятъ Богу въ четыредесятницу, когда не страшатся и не стыдятся пьянствовать съ утра до ночи. Нѣкоторые же, принося въ церковь бобы и другіе плоды, тамъ же и съѣдаютъ ихъ... Во дни поста, у насъ никому не позволено, какъ у васъ, послѣ одного подкрѣпленія вкушать что нибудь, изъ яблокъ или травъ“ (XXI—XXIV). Защищеніе брачнаго сожитія духовенства Гумбертъ называетъ Николаитскою ересью, съ ругательствомъ отвергаетъ свидѣтельство постановленій апостольскихъ, правило апостольское „не отвергать жену свою подъ предлогомъ воздержанія“ объясняетъ въ смыслѣ попеченія о ней, какъ у апостола Павла (1 Кор. IX, 5), и наконецъ безбрачіе духовенства защищаетъ посланіемъ Климента римскаго, 5-мъ

правиломъ никейскаго собора, вопреки его смыслу (1), и свидѣтельствами папъ Иннокентія, Сириція и Льва. На основаніи такихъ преданій, а не іудейскихъ басенъ и апокрифическихъ писаній, говоритъ Гумбергъ, римская церковь не позволяетъ брачнаго сожитія епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и субдіаконамъ. „Но та церковь, которую развратилъ Арій, растлилъ Македоній, которая породила и воспитала змѣйныя отродья, т. е. Несторія, Евтихія, моноелитовъ и есопасхитовъ и прочія еретическія язвы, доселѣ не могла вырваться изъ объятій ересіарха Николая, такъ что назначаемыхъ на служеніе къ святому алтарю спрашиваетъ, имѣюгъ ли они женъ, и если скажутъ, что не имѣютъ, то принуждаются прежде жениться и потомъ“... (см. выше стр. 722 прим. 1.) (XXV—XXXIV). „А ты, несчастный Никита, заключаетъ кардиналъ свою полемику, научись по крайней мѣрѣ молчать когда-нибудь, если доселѣ не выучился говорить“ (XXXV).

(Окончаніе будетъ).

(1) См. Hefele, Conciengeach. B. I. S. 363 и 364, сн. 417.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки